

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ „ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ“

МИКЛОШ КУН

18-ого февраля 1855-ого года „в Бозе почил“ Николай I-ый, душитель революционной мысли России и Европы. „Со смертью царя Николая заволновались все слои русского общества: — читаем мы в „Исторических очерках“ Лайоша Кошута, написанных с достоверностью современника — в университетах юношество со страстью свойственной его возрасту; шли волнения в печати, которая поднялась на досель невиданную высоту; в непрерывно приумножавшихся объединениях; закипела новая жизнь в собраниях дворянства и городской буржуазии, она проникла даже в армию. Все мало-мальски примечательные люди требовали себе роли в управлении нацией, общественными делами, и не только на местах, но и даже на государственном поприще: и все заявляли себя вольномыслящими”.¹ В данный период истории России, в период пробуждения общественности, борьбы за освобождение крестьян с землей, за уничтожение цензуры, за моральное раскрепощение личности — Александру Ивановичу Герцену суждено было стать воистину русским Прометеем.

„В истории русской общественной мысли — пишет Г. В. Плеханов о Герцене — он всегда будет занимать одно из самых первых мест. И не только русской: когда будет, ... написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней, как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться „из утопии наукой”².

Поэтому к деятельности и к самой личности Герцена венгерскому исследователю нельзя не отнестись с уважением и вниманием. Не говоря уже о том, что долгие годы он был товарищем по изгнанию Кошута и многих других эмигрантов-венгров.³

Ниже мы рассмотрим (разумеется без претензии на полноту) как создавал Герцен „Полярную звезду“, орган печати, первый номер которой впервые в истории его родины представлял одновременно интересы русского и всеобщего прогресса, и как под влиянием критики либеральных кругов России, первоначальные планы его отчасти видоизменились.

Ко времени появления первого номера „Полярной звезды”, в глазах английской общественности Герцен считался одним из самых знаменитых „рефюжее”.⁴ С успехом прошли его выступления на лондонских митингах, получившие довольно широкое освещение в печати. Талант Герцена, и не в последнюю очередь его личное обаяние помогли ему стать „... первым ... посредником между демократической Европой и русской интеллигенцией”.⁵ Но издательская деятельность испытывала значительные трудности из-за отсутствия связей с Россией, контактов с читателями (большинство изданий Вольной типографии до начала 1856-ого года так и оставались лежать в лавках книготорговцев), а также из-за молчания московских друзей, которые не только не снабжали Герцена новыми материалами, или по словам исследователя „не только саботировали его революционное дело, ...” но и „... пытались просто остановить его”.⁶

Московские друзья Герцена с самого начала отрицательно относились к созданию Вольной типографии и не одобряли его эмигрантскую публичную деятельность. Этим можно объяснить и известную поездку М. С. Щепкина в Лондон, столь пластично зарисованную в „Былом и думах”, некоторые места из писем Т. Н. Грановского к Герцену, *сам факт* продолжительного молчания „наших”, несмотря на герценовские письма и просьбы его, посланные через М. К. Рейхель о возобновлении переписки и о присылке рукописей запрещенных цензурой. Переживая свою „духовную драму” и во многом разочаровываясь в Западной Европе, Герцен особенно больно чувствовал как рвались связи с друзьями. Точное отражение этого — переписка Герцена тех лет с М. К. Рейхель, своего рода „дневник”, в котором он „делал записи” предельно откровенно.

Когда перечитываешь письма Герцена к М. К. Рейхель за 1853—1855 гг., бросаются в глаза многочисленные грустные, а подчас недовольные или негодующие замечания в адрес московских друзей. (XXV. 16, 25, 46, 50, 67, 70, 77, 80, 97, 111, 119, 124, 126 и т.д.). Сразу заметно и то, что если в 1853-ем году Герцен ещё надеялся „расторгнуть” московский круг своих знакомых, то летом 1855-ого года он почти отчаялся в этом. [„Трусость наших в Москве приводит меня в отчаяние” — пишет он М. К. Рейхель (XXV. 269)]. Нетрудно объяснить почему были произнесены горькие слова и в их адрес в первом номере „Полярной звезды”: „Если Вам теперь нечего сказать или не хочется говорить, если вам достаточно делать бледные намёки в ваших глухонемых журналах, тогда мы ... вместо русского обозрения станем издавать *обозрение о России* ... Ваше молчание ... нисколько не поколеблет нашу веру в народ русский и его будущее; мы только усомнимся в нравственной силе и годности нашего поколения” (XII. 295—296).⁷

Переписка Герцена с друзьями по сути дела оборвалась не только из-за страха их перед возможными гонениями со стороны III-его отделения. Будучи людьми либеральных взглядов они не одобряли — как впоследствии и более молодое поколение либералов — „социалисти-

ческих утопий" Герцена, не соглашались с содержанием его статей, с их терминологией. И так, как до лета 1855-ого года московские друзья не подавали о себе вестей (а приезд в Лондон Н. П. Огарева все откладывался), Герцен приступил к изданию „Полярной звезды“, полагаясь по сути дела только на свои силы. Правда, он мог надеяться ещё на сотрудничество товарищей по эмиграции.

Стало быть не случайно, выпуская первый номер альманаха, Герцен проповедует в нём идею союза европейских демократов и „русского революционного меньшинства“. „Полярная звезда“, может быть, восходит ... над колыбелью. — произносит он торжественно — Над колыбелью нового нарождающегося союза, нового карбонаризма, открытого, всенародного, в котором соединятся *свободные* обеих сторон и который не может быть полон без *русского* элемента ...” (XII. 297 — 298).⁸

Об идейных источниках герценовского альманаха, о тесной преемственности его с „Полярной звездой“ К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева подробно говорится в полной глубоких мыслей и построенной на обилии фактического материала монографии Н. Я. Эйдельмана „Тайные корреспонденты „Полярной звезды““, которая является настольной книгой каждого, кто занимается Герценом.⁹ Наряду с влиянием на Герцена декабристской прессы и идей декабристов, следует отметить, что осуществляя своё давнее желание, издание печатного органа, служащего делу российского прогресса и международной революции, Герценом был учтён опыт работы в самых разных по программе и по форме газетах, журналах и альманахах (в первую очередь эмигрантских). Буржуазный исследователь двадцатых годов Р. Лабри, считает, что в 1855-ом году Герцен старался отчасти претворить в жизнь планы издания подлинно революционного печатного органа, о которых он сообщал в 1849 — 50 гг. Прудону. По мнению Р. Лабри, выпуская первый номер „Полярной звезды“ Герцен, не только желал воскресить традиции декабристской прессы, но и — в известной степени — традиции международного отдела прудоновского „La Voix du Peuple“.¹⁰

В связи с „Полярной звездой“ Герцен уже в 1855-ом году строил большие планы. „Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском; — говорится в объявлении о „Полярной звезде“, вышедшем на русском языке отдельным изданием, и перепечатанном на французском в „L'Homme“ — разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее идет смесь, письма, хроника и пр. „Полярная звезда“ — отмечает Герцен — должна быть — ... — убежищем всех рукописей, тонуших в императорской цензуре, всех изувеченных ею.” (XII. 270). Во французском варианте „Объявления ...” этот же план изложен пожалуй еще конкретнее: „Мы желали бы иметь ... разбор какого-нибудь замечательного сочинения, посвященного истории, политике или философии, и одну русскую литературную

статью. (По части переводов мы будем очень разборчивы.) Далее — *tutti-frutti* — смесь, письма, библиография, хроника и проч.” (XII. 495).

Summa summarum: в 1855-ом году Герцен предполагал, что „Полярная звезда” в первую очередь должна стать бесцензурным русским изданием, служащим делу прогресса, и в значительной мере способствующему делу объединения русского и международного демократического движения. Выступая за разрешение острых, наболевших в России вопросов, она должна в то-же время информировать читателей о новейших достижениях социалистической мысли.

* * *

Идея выпускать периодическое обозрение пришла в голову Герцену, по его же словам „... на другой или третий день после смерти Николая ...” (XII. 315). Самым ранним упоминанием о нём в литературе о Герцене считается письмо к Жюлю Мишле от 31-ого марта 1855-ого года (XXV. 252). Но нам думается, что в письме Герцена, написанном 6-го марта того же года *Луиджи Пьянчани*, члену редакции и совладельцу эмигрантской газеты „L'Homme”, есть слова, относящиеся именно к планам издания „Полярной звезды”: „... Зено (Свентославский М. К.) пишет, чтобы я взял акции для „L'Homme” — не возьму ... У меня другие намерения” (XXV. 244).¹¹

Пожалуй никогда не была столь оживлённой переписка Герцена с товарищами по эмиграции, как летом 1855-ого года. Одновременно с Мишле, он пишет Прудону, Виктору Гюго, Лелевелю. В эти же месяцы Герцен встречается с Джузеппе Маццини, Луи Бланом, Альфредом Таландьё, Шандором Телеки и просит их дать что-либо для альманаха. Беседуя и переписываясь с ними, Герцен постоянно думал о будущей „Полярной звезде” (XXV. 263, 275, 279, 280—281, и т.д.) Так проходили недели в ожидании материалов для альманаха и сведений из России.

Публикуя объявление о скором выходе в свет альманаха и рассылая письма друзьям и знакомым по эмиграции, Герцен более или менее точно представлял себе его структуру и профиль. В то же время по его мнению судьба „Полярной звезды” в значительной мере зависела от реакции читателей и от сравнительно регулярного поступления корреспонденций и материалов из России. Герцен готов был печатать статьи „... европейцев и наших (т.е. русских — М. К.) панславистов (т.е. западников и славянофилов — М. К.), умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных”, соглашаясь однако, предоставлять трибуну только людям нежелающим ...” упредить *современный порядок дел в России*, ...” (XII. 296).¹² Вне зависимости от их принадлежности к той или иной группировке приглашал Герцен сотрудничать в альманахе и иностранцев. Так он одновременно напечатал письмо Джузеппе Маццини и статью его политического противника, Альфреда Таландьё.¹³

Корреспонденции, полученные от Маццини, Мишле, Таландье и Виктора Гюго, очень радовали Герцена. Письма Мишле и Виктора Гюго показались ему даже столь „лестными“, что он опустил из них несколько хвалебных выражений в свой адрес (XXV. 279—280). Только письмо Прудона не решился он опубликовать полностью, боясь быть может вызвать конфликты между разными группами эмиграции, а так-же „напугать“ менее радикально настроенных русских читателей, хотя сам считал это письмо шедевром (XXV. 292). Стремясь заполучить Прудона в постоянные сотрудники, Герцен тепло поблагодарил его за желание стать одним из титулярных — „honoraire“ — редакторов „Полярной звезды“. Но без купюр письмо Прудона появилось только в пятом номере альманаха.

„Наше положение ужасно трудно! Вы пока еще заняты правительствами, а я напротив, смотрю на управляемых. — сообщает в нем Прудон Герцену — Не следует-ли прежде чем нападать на деспотизм притеснителей, напасть на деспотизм освободителей? Видали-ли вы что-нибудь ближе подходящее к тирании, чем народные трибуны и не казалось-ли вам иной раз нетерпимость мучеников — также отвратительной, как бешенство их гонителей? ... писатель действительно любящий свободу, истинный друг революции, часто не знает, в которую сторону ему направлять свои удары, в скопище-ли утеснителей или в недобросовестность утесненных ... То, что я вижу на Западе, дает мне право предположить о том что будет на Востоке, которого я не знаю; люди все те же, под всеми меридианами. Я ... смотрю как вслед за гибельным примером какое-то бешенство деспотизма охватило все души; ... как люди, у которых свобода была девизом — ругаются теперь на ней; как социальная революция была осмеяна, посвящена смерти — лицемерами, которые со дня ее рождения поклонялись ей”.¹⁴

Критика Прудона раздавалась не только абстрактно, но и конкретно, и прежде всего в адрес бывших вождей Европейского демократического комитета и поддерживающих их эмигрантов. Герцен отчасти разделял эти взгляды. Но в отличие от Прудона, в деятелях „лондонской вольницы“ он видел тогда в первую очередь людей, стоящих на левом фланге европейского общественного движения. „... все сильное и движущееся — соединяется в русском обозрении, издаваемом середь войны в Лондоне. А ведь в Москве наши господа, чего доброго, скажут, что всё это неосторожно“ — писал он об этом М. К. Рейхель (XXV. 280).¹⁵

Из известных эмигрантов Герцен не обратился только к Ледрю-Роллену, к которому в это время относился довольно прохладно, а также к Лайошу Кошуту. (Кошута Герцен неоднократно критиковал в своих письмах именно в период составления альманаха. С другой стороны, отдыхая вместе с Кошуту летом 1855-ого года, обсуждая вопросы международной политики и общественного движения Венгрии и России, Герцен заметно сблизился с ним.)

Бросается в глаза отсутствие в первом номере „Полярной звезды“ письма или статьи Ворцеля, а так же и тот факт, что Герцен обратился

не к нему — близкому другу и союзнику по лондонской эмиграции, а к живущему в Брюсселе Лелевелю. Так или иначе герценовский альманах поддержали Маццини, Мишле, Прудон, Таландьё, Луи Блан, Лелевель, т.е. почти все — выражению Виктора Гюго „... фельд-маршалы революции” (XXV. 282).

* * *

В статье „Памяти Герцена” В. И. Ленин, подчеркивая заслуги *Герцена-революционера* перед потомством, пишет: „Полярная звезда” подняла традиции декабристов ... Рабье молчание было нарушено”¹⁶

Первый номер альманаха Герцен намеревался выпустить к 25-ому июля 1855-ого года (т.е. ко дню годовщины казни декабристов). Но, как известно из его письма к Мишле, „Полярная звезда” появилась в продаже только после 20-го августа. (XXV. 295). Буквально в последнюю минуту Герцен успел тиснуть заметку о получении от московских друзей тетради стихотворений Пушкина, Лермонтова и Полежаева. Однако, публикацию их пришлось задержать до следующего номера. Не попало в набор и приветственное письмо патриарха польской эмиграции историка Иоахима Лелевеля. И тем не менее содержание первого тома сам Герцен считал очень „богатым” (XII. 270). Публикуя переписку Белинского с Гоголем, Герцен не только отдавал дань покойному другу. Непримиимые слова „неистового Виссариона” звучали очень актуально в те дни, когда в результате крымских поражений и крестьянских бунтов тряслись устои российского самодержавия.

Хотелось бы остановиться на герценовском шедевре „К нашим”, появившемся почти одновременно в „Полярной звезде” и на французском языке в „L'Номме”. Обращенная к московским друзьям, а в переносном смысле к лучшей части российской общественности, статья эта была написана и с другой целью: выразить благодарность революционерам и демократам Запада. Местами в ней повторяются мысли, изложенные Герценом в письмах этого периода. Но тут они изложены с мастерством гениального публициста. Те минорные нотки, упреки, которые звучали в письмах московским друзьям, в статье звучат в мажорном тоне политического воззвания. Например, в письме к М. К. и А. Рейхелям от 28 июля 1855 года Герцен пишет: „... — Россия движается гигантски, а наши друзья что то отстают. Общественное мнение, которое было так озабочено в 1854, что я перестал писать, теперь совсем иное, „Полярная звезда” — с именами Гюго, Маццини, Л. Бл. — анак, Прудона и Мишле в день казни Пестеля — была бы не шутка, если б наши были *столько* живы, как десять лет назад” (XXV. 285—286).¹⁷ А в статье „К нашим” это изложено уже так: „... Ваше молчание, мы откровенно признаемся, несколько не поколеблет нашу веру в народ русский и его будущее; мы только усомнимся в нравственной силе и годности нашего поколения ... тяжёл будет для нас удар вашего молчания. Неужели мы так выродились со времён Пестеля

и Рылеева, что сделались более учёнными доктринерами и менее способными на дело, на отвагу?" (XII. 296).

Выступая также в защиту суверенитета Польши, ссылаясь на пример Бакунина, Герцен перед лицом русской и западноевропейской общественности горячо приветствовал своих первых сотрудников — людей известных всему миру, по первому зову откликнувшихся на его призыв к союзу: „Неутомимые бойцы мысли и дела, апостолы независимости и нового общественного порядка, люди, имя которых связано с благородными воспоминаниями последних лет, — эти *сильные*, которые устояли с немногими, не склоняя головы, не падая от утомленья и обид, середь повального унижения всей Европы, — они-то нам протягивают, по первому призыву, дружескую руку. Они поняли, что их место с врагами русского самовластья, а не с врагами русского народа.

В. ГЮГО, И. МАЦЦИНИ, Ж. МИШЛЕ, ЛУЙ БЛАН

П. ПРУДОН

с нами!

Николай оканчивал свои манифесты, говоря „с нами бог”, нам не нужна помощь царского бога; *с нами революция, с нами социализм!*

Глубоко тронутые принимаем мы это рукоприложение” (XII. 297).¹⁸

Трудно представить более полную программу идейного единения „молодой России”, представленной в лице Герцена и представителей прогрессивной Европы. Но это ещё не всё. Герцен не только единыжды хотел воспользоваться именами „знаменитых эмигрантов” для придания веса своему изданию, [как это может показаться при чтении его письма к Мишле от 30-ого мая 1855-ого года (XV. 265)]. Он планировал тогда ещё и в будущем регулярно печатать их статьи, переводить отрывки из их произведений, знакомить читателей альманаха с самыми интересными — а с точки зрения русского общественного прогресса важными и полезными — идеями эпохи (в том числе и с идеями социализма). В последующих номерах альманаха Герцен намеревался не только опубликовать статьи Прудона, Мацини, Мишле, но и „Отрывок из неизданного тома истории французской революции *Луи Блана*. Статью об итальянских республиках Марка-Аврелия Саффи, ... Отрывок из ... книги Гале де Кюльтюра, ... Статью А. Телеки об венгерской войне 1849-ого года” (XII. 501).¹⁹

Рекомендуя своим читателям полюбившуюся ему книгу Мишле „*Renaissance*”, Герцен заявляет, что из этой книги и из её продолжения он хочет „... поместить несколько страниц в следующей книжке”. (XII. 286). А потому мы не можем согласиться с представителем

дореволюционного герценоведения М. Гершензоном, утверждавшим, что „... приступая к изданию „Полярной звезды“ ... (Герцен М. К.) очень хорошо знал, что те корифеи западного революционного движения, которых он приглашал к сотрудничеству, не будут присылать ему статей, но он знал так же, что все они напишут ему „открытые“ письма, а ему только это и было нужно”.²⁰ Словам М. Гершензона можно противопоставить письмо Герцена к Прудону от 24–31 июля 1855-ого года, и тот факт, что уже после знаменательного приезда в Лондон П. Л. Пикулина, Герцен через Пьянчани напомнил Шандору Телеки о его „добром намерении“ написать „... статью о венгерской войне“ (XXV. 307). В начале 1856-ого года у него постепенно стали налаживаться связи с Россией, что однако не изменило его первоначальных намерений. Не случайно сообщал ведь Герцен читателям второго номера альманаха, вышедшего в свет в мае 1856-ого года, что письмо Лелевеля к нему „... не было напечатано только потому, что оно опоздало двумя или тремя днями“, (XII. 496) и что он *готовится поместить в следующих номерах „... — все иностранные статьи, несколько замечательных писем ...“ т.е. историческую статью Луи Блана, статью Ференца Пульского о панславизме, письмо Лелевеля и речь его произнесенную по случаю пятнадцатой годовщины польского восстания 1830–31 гг. и т.д.* (XII. 457, 501).

Упомянутые материалы однако не появились в следующих номерах альманаха. Но у нас есть все основания сразу-же исключить вариант, согласно которому Герцен не получил их. В редакторском портфеле „Полярной звезды“ в мае 1856-ого года лежали:

- статьи Пульского и Лелевеля
- письмо Лелевеля к издателю
- отрывки из книг Мишле, Луи Блана, Гале де Кюльтюра и пр.

Отметим, что уже после выхода в свет второго номера альманаха, его дальнейшей судьбой интересовался Мишле. Постоянно оказывая услуги Герцену в деле пропаганды его произведений и изданий во французской прессе и регулярно посылая ему свои книги, Мишле не отказался бы разумеется, от сотрудничества в „Полярной звезде”.²¹

Что касается статей Саффи, обещанных Герцену, мы просмотрели ряд источников и не обнаружили ничего, относящегося к ним. Известно, однако, — в том числе из эпистолярного наследия Герцена — что Аврелио Саффи, занятый в то время проблемами личной жизни, почти не писал Герцену (XXV. 344) и, болезненно реагируя на разногласия Маццини с более радикально настроенными эмигрантскими кругами, отошел на время от внутренних дел эмиграции. Вероятнее всего что обещанную статью об итальянских республиках Саффи так и не написал, иначе в его переписке с Герценом остались бы хоть какие нибудь следы.²²

Зато Герцен мог полностью рассчитывать на регулярное получение материалов для альманаха от Джузеппе Маццини. Последний ре-

гулярно перепечатывал свои статьи из „L'Italia del Popolo” в других изданиях. Летом 1855-ого года Маццини в открытом письме обещал Герцену стать итальянским корреспондентом альманаха: „... я непременно напишу что-нибудь, покамест пусть эти строки свидетельствуют о моём сердечном сочувствии вашему предприятию, о живом участии к нему итальянских республиканцев, — я смело могу говорить от их имени и уверить вас, что они с любовью будут следить за успехом вашего начинания”.²³ Обращаясь через некоторое время к Герцену с просьбой „... время от времени писать письма об отголосках событий в России ...”²⁴ стараясь привлечь его к регулярному сотрудничеству в „L'Italia del Popolo”, Маццини, разумеется, и сам охотно информировал бы читателей „Полярной звезды” о задачах и событиях Risorgimento. Но начиная в 1857—58 гг. Герцен видимо, не считал это столь важным. (К „итальянской теме” он обратился снова, уже на страницах „Колокола” в 1859-ом году.)

План регулярной публикации в „Полярной звезде” статей демократов Запада, в том числе представителей домарковского социализма и деятелей национально-освободительных движений родился у Герцена почти параллельно с самим замыслом издания „Полярной звезды”. 8 июля 1855 года Герцен писал Мишле: „Я говорю русским и на все лады повторяю, — что социальная идея, выработанная Западом, — единственное средство рационального развития *общественных склонностей и нравов* славян. После смерти Николая спящий гигант начинает пробуждаться. Крайне необходимо, чтобы преданное этой идее меньшинство чувствовало поддержку со стороны мыслителей Запада. С этим сознанием гораздо легче идти в Сибирь” (XXV. 278).²⁵

„Мыслители Запада” — как мы видим — откликнулись по первому же зову. Из иностранных материалов можно было бы составить отделы „Философия революции и социализма”, „Книги” и „Смесь” по крайней мере двух номеров альманаха. Существовала также возможность регулярного получения новых корреспонденций. А то, что из России поступило довольно много рукописей, что в Лондон приехал Н. П. Огарёв и активно включился в деятельность Вольной русской типографии — всё это конечно, только помогало бы полному, или частичному осуществлению первоначального герценовского замысла. Следовательно у Герцена были другие конкретные причины, которые заставили его изменить свои намерения. Наша задача выяснить эти причины, тем более, что до сих пор они не затронуты в историографии.²⁶ Но сначала хотелось бы сказать несколько слов о некоторых сторонах идеологии Герцена данного периода.

* * *

„... историческое развитие России не имеет почти ничего общего с западным. ... выражение её революционных стремлений и самые стремления не совпадают с фазами европейской революции, т.е. в прошедшем, но, может быть, они имеют тем большее сочувствие к на-

чалам грядущей революции" (XII. 127). Герцен произнес эти слова на митинге 29 ноября 1853-его года в лондонском Гановер-руме, обращаясь к демократам Запада от имени русского „революционного меньшинства" (XII. 132).²⁷ Слова эти свидетельствуют о том, что в 50-е годы XIX-ого века, когда в России, как считал В. И. Ленина, понятия „... демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое ...".²⁸ Герцен хотел таким образом отметить своеобразные стороны революционного движения своей родины. В это время он уже был теоретиком и пропагандистом идей „русского социализма" залогом победы которого в отдаленном будущем считал общинный строй русской деревни, самобытные, „неразвращенные" ни феодализмом, ни капитализмом силы, таящиеся в „коммунистическом" мире, отрицательное отношение русского народа к идее государства и, наконец, проникновение в Россию с Запада социалистических теорий. Вместе с тем Герцен считал очень важным согласовать личную свободу человека с „коллективными статутами" „мира" деревни. „Городские жители", по его мнению в отличие от Западной Европы будут играть второстепенную роль в процессе борьбы с деспотизмом: „... город у нас — почти одно правительство, Россия государственная; а село — вся Россия, Россия народная" (XII. 310).

Веря в „народное начало" деревенских общин, вынося суровые приговоры „мещанской Европе" и одновременно критикуя несовершенство большинства западноевропейских революционных теорий, Герцен старался однако многое почерпнуть из них, использовать их в качестве компонентов „русского социализма." И хотя из его раздумий о дальнейших перспективах „русского социализма" родилась одна из известнейших формулировок русского народничества: „Нам нечего заимствовать у мещанской Европы, ... Мы — не мещане, мы мужики" (XII. 309—310), Герцен никогда не проповедовал разрыв с Европой *социалистической*. Вышеупомянутые слова его были напечатаны во втором номере „Полярной звезды". В предыдущем-же номере альманаха он писал следующее: „Одна мощная мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славянском. Артель и сельская община, раздел прибытка и раздел полей, мирская сходка и соединение сил в волости, управляющиеся сами собой, — всё это краеугольные камни, на которых созидается храмина нашего будущего свободно-общинного быта. Но ... без западной мысли наш будущий собор остался бы при одном фундаменте" (IX. 149—150).²⁹ Стоит сравнить эти слова с отрывком из письма Герцена к Мишле (Герцен обращается в нём с просьбой прислать материал для „Полярной звезды"): „славянский мир никогда не сможет проявить свою социалистическую сущность, ... без революционной идеи, которая реет над Западом как его бессмертная душа. Мы не претендуем на пресловутое „*Fara da se*"; вне солидарности и единения народов мы останемся некоей угрожающей силой, подгоняемой кнутом, ставшим скипетром" (XXV. 278).³⁰

Подобные высказывания Герцена убеждают нас в том, что он, видя разницу, не видел однако существенных противоречий между „русским” и западноевропейским социализмом, и, наоборот, искал между ними точки соприкосновения.

* * *

Когда мы возвращаемся к идеологии Герцена периода 50-х годов XIX-ого века, перед нами возникает вопрос: на какие классы или социальные слои страны намеревался он опереться в процессе борьбы с самодержавием? Отвечая на него, заметим, что в начале деятельности Вольной типографии Герцен обращался непосредственно к русскому крестьянству, вернее к мужикам в солдатских шинелях, призывая их к неповиновению властям (ХII. 201—205). Параллельно с этим он выпускал воззвания к „образованной части” среднего дворянства, надеясь со временем обрести в лучших его представителях союзников по борьбе с самодержавием и даже деятелей „практического социализма” (ХII. 81—82, 187, 194 и т.д.).

Что касается путей „русского социализма”, а на первых порах путей борьбы за уничтожение ненавистной ему крепостнической системы, Герцен по сути дела почти одновременно выдвинул два варианта. Несколько схематично сформулируем их следующим образом:

- а) *Освобождение крестьян с землей желательно без участия царя и правительства. Предпочтительно „самобытно-русское” республиканское решение вопроса. Не исключена возможность крестьянской революции.*

[„Больно, если освобождение выйдет из Зимнего дворца, власть царская оправдается им перед народом и ... сильнее укрепит своё самовластие, нежели когда-либо.

Страшна и пугачевщина, но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собой страшные последствия”. (ХII. 84); „Царь ничего не защищает и никакого добра никому не хочет;” (ХII. 202).]

- б) *Процесс борьбы крестьян и „образованного меньшинства” с крепостничеством и бюрократизмом — при определённых условиях — происходит с участием царя и правительства на стороне прогресса.*

[„... народ невольно составляет гигантскую и живую основу для деятельности правительства ... Народ не любит свое правительство, но всё же видит в нём представителя своего национального единства и силы”. (ХII. 185); „Если бы русский престол достался действительно энергическому человеку, он стал бы во главе освободительного движения, он покрыл бы истинной славой конец петербургского периода и ускорил бы неизбежный процесс, который, за отсутствием такого человека, поглотит престол.

... Петербургский деспотизм сохраняет ... свою диктаторскую форму, форму революционную, лишенную традиций и принципов; это орудие войны, борьбы, которое может служить разным целям" (XII. 195—196)].

Статьи, опубликованные в первом номере „Полярной звезды” являются в известной степени плодом размышлений об этих двух путях. Если „К нашим” Герцена, а также произведения Энгельсона, Таландые написаны в духе республиканского „нового карбонаризма” и проповедуют революционные идеи, то письмо Герцена к Александру II-ому уже носит на себе отпечаток первых его „царистских иллюзий”. (Справедливости ради не будем замалчивать и того, что в письме к царю, написанном в радостные дни после смерти Николая, Герцен не отказывается от своего революционного прошлого и называет себя „неисправимым социалистом”. В „Полярной звезде” оно помещено со значительными оговорками, и таким образом, во многом ещё отличается от последующих его посланий к Александру II-ому. По словам Н. Я. Эйдельмана смысл и направление его неотделимы „... от тех материалов среди которых ... появилось”.³¹⁾

И всё-таки, печатая в первом номере „Полярной звезды” письмо к Александру II-ому, Герцен внёс в альманах долю диссонанса. (Увы, он был не первым (и не последним!) социалистом, обращавшимся с конкретными предложениями к верховным властям. Сошлёмся на пример Сен-Симона или Прудона.)³² Ведя „одностороннюю дискуссию” с царём, Герцен мысленно представлял себе положительные перспективы реформаторской деятельности Александра II-ого в будущем, исходя очевидно из того что абсолютистские или авторитарные системы создают иной раз такое положение, в результате которого, человек, наделённый неограниченной верховной властью (в данном случае монарх), в известных пределах может в принципе ускорить или замедлить те или иные исторические процессы. Хорошо понимая это, но идеализируя возможности реформаторской деятельности русского правительства, обращаясь к царю, и завязывая связи с представителями „мыслящего сословия”, (т.е. среднего дворянства) Герцен, начиная с 1856-ого года значительно расширил сферу своего влияния в России.³³ Факт этот отметили целый ряд исследователей, но как нам кажется самые правильные выводы принадлежат Г. В. Плеханову. В статье „А. И. Герцен и крепостное право” Плеханов пишет: „Герцен в эпоху расцвета своей публицистической деятельности, ... смотрел на политику как на что-то полупрошедшее, полууходящее. Этим объясняется его обращение к правительству. Он делал „огромные” уступки именно потому, что политические формы ... в его глазах не имели существенного значения”. Комментируя публикацию в „Полярной звезде” письма Герцена к царю, Плеханов делает следующие выводы: „... в той же самой книжке „Полярной звезды”, в которой появилось письмо Герцена к императору Александру II, напечатана статья А. Таландые: „Нет социализма без республики”. Герцен справедливо

считавший себя неисправимым социалистом, по всей вероятности, разделял в теории этот взгляд Таландье, но не считал нужным руководствоваться им *на практике* в то время, когда для России открывалась, по его мнению, возможность сделать первые крупные шаги по пути к социализму. Это могло бы показаться странным, если бы мы не знали, что он, подобно Прудону, был к политическим вопросам „равнодушен” и готов был делать уступки, „потому что не приписывал особой важности формам, которые, по его мнению, не существенны”.³⁴

Исходя из анализа всех вышеприведённых фактов, разбирая их, пользуясь замечаниями Плеханова, нетрудно прийти к выводу, что в период составления первых двух номеров „Полярной звезды” Герцен, стоя на позициях „русского социализма”, считал нужным пропагандировать в своём альманахе так же и произведения революционеров Запада. Вместе с тем он уже начал питать некоторые иллюзии относительно реформаторской деятельности царя и правительства. Обращаясь с письмом к Александру II-ому, завязывая контакты с русскими либералами и призывая к сотрудничеству в своих изданиях всех, недовольных крепостнической системой и наследием Николая, Герцен не „скатился на либеральные позиции” и ни на минуту не превратился в либерала.³⁵ Но оставаясь „неисправимым социалистом”, Герцен делал подчас уступки идеологического и тактического характера. В России же вскоре (после заключения Парижского мира) начинается т.н. „эпоха реформ”. Активно участвуя в борьбе с крепостничеством в России и стараясь влиять на самые широкие круги русского общества, Герцен стал намеренно ограничивать своё участие в делах эмиграции. Отношения его с „лондонской вольницей” (особенно в 1857—58 гг.) видоизменяются. В эти же годы „Полярная звезда”, первоначально служившая делу как русской, так и международной революции, приобретает иной профиль. На второй план отходит и непосредственная пропаганда в ней социалистических идей. На этом решении Герцена сказались его столкновение с российской действительностью (резкая критика со стороны либералов) и перевес в сторону забот о „насуущных проблемах”. Ниже мы постараемся подтвердить это фактами.

* * *

Вслед за выходом в свет первого номера „Полярной звезды” Герцен стал получать письма-отклики читателей. „Мы с гордостью видим в вас представителя социальных идей нашей эпохи, мыслителя идущего в уровень с Европой и своим отечеством; ...” — приветствовал его молодой анонимный корреспондент альманаха.³⁶ Герцен поместил эти строки во втором номере „Полярной звезды”, рядом с другим отзывом, куда менее одобрительным. К автору второго письма он, однако, отнёсся с уважением, подозревая в нём эмигранта-декабриста Николая Тургенева. На самом же деле — как это сравнительно недавно выяснил советский исследователь Б. С. Егоров — им был известный библиофил, знакомый Пушкина С. Д. Полторацкий, в прошлом участ-

ник парижских событий 1830-ого года. Ко времени воцарения Александра II-ого, С. Д. Полторацкий придерживался умеренно-либеральных взглядов, что в некоторой степени и отразилось в его анонимном письме к Герцену.³⁷

Высказав — как подметил М. Лемке — несколько дельных замечаний в связи с промахами редактора альманаха,³⁸ С. Д. Полторацкий крайне неодобрительно отозвался о большинстве материалов первого номера. Так он назвал статью В. А. Энгельсона „тёмной, бесплодной метафизикой“, и гневно отозвался о Гале де Кюльтюре, авторе книги „Николай и Русь святая“. „... неужели не знаете вы наизусть неизданные ... стихотворения, повторённые и повторяемые в целой России? ... не лучше-ли было занять ими, или ... другими русскими те страницы вашей книжки, которые поглощены пустыми, совершенно для русских не занимательными и ничего не значущими письмами Прудона, Мащини и др.“ — возмущенно пишет С. Д. Полторацкий.³⁹

На замечания С. Д. Полторацкого, а так-же других, более поздних критиков статьи В. А. Энгельсона „Что такое государство?“ впоследствии ответил Н. П. Огарев в первом номере „Колокола“.⁴⁰ Сам же Герцен, публикуя письмо С. Д. Полторацкого в „Полярной звезде“, счёл некоторые его замечания относительно Гале де Кюльтюра столь оскорбительными для последнего, что вынужден был прибегнуть к редакторским купюрам. (Известно, что с книгой французского публициста Гале де Кюльтюра Герцен познакомился сразу после её появления. Выступая на митинге от 27 февраля 1855-ого года, он привёл из нее обширные цитаты и назвал замечательной книгой о России. (XII. 258). Под свежим впечатлением о прочитанном, Герцен, всегда относившийся весьма критически к трудам зарубежных авторов о его родине, летом 1855-ого года намеривался опубликовать отрывки из этой книги в одном из следующих номеров „Полярной звезды“). В то же время, как не без оснований считает Н. Я. Эйдельман, Герцен не только полемизировал с некоторыми замечаниями С. Д. Полторацкого, но и „... видимо, учёл (их — М. К.), так как больше не возвращался к этой книге на страницах своих изданий“.⁴¹ Т.е. Герцен был заинтересован в распространении и успехе „Полярной звезды“ в самых широких кругах русского общества и поэтому счёл нужным прибегать к коррективам такого рода. Правда весной 1856-ого года, учитывая одни замечания С. Д. Полторацкого, Герцен полемизировал с другими замечаниями его следующим образом: „... вы не хотели понять поэзию и смысл этих имён, — имён Прудона, Мащини, Гюго, Луи Блана, Мишле, Лелевеля, пришедших на закладку свободного русского дела“ (XII. 317). В том-же — втором — номере альманаха, он помещает объявление о публикации в следующем номере „Полярной звезды“ статей иностранных авторов (XII. 501). Намерение это не осуществилось, на наш взгляд, в первую очередь вследствие критики Герцена со стороны русских либералов. Но интересен и вышеприведённый пример, свидетельствующий о том, что ещё до этого, т.е. год спустя после основания „Полярной звезды“, Герцен не поместил в альманахе — в разрез со своими

первоначальными планами — отрывки из книги Гале де Кюльтюра под впечатлением замечаний одного из первых умеренно-либерально настроенных корреспондентов.

* * *

Ряд авторов придаёт большое значение сотрудничеству Герцена с различными оппозиционно настроенными общественными деятелями России в первые годы „эпохи реформ“. Почти все исследователи, занимающиеся деятельностью Герцена в данный период, сходятся в одном: связи его с целым рядом общественных деятелей, в том числе с либералами-западниками представляют безусловный интерес. По сути дела в лице таких политиков, как К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин — и отчасти Н. А. Мельгунов, Герцен в 1855—57 гг. вошёл в контакт с представителями целого течения русских либералов, тех, кто были недовольны внутренней и внешней политикой Николая I-ого ещё в последние годы его царствования, но в то-же время страшились бурных политических потрясений.

Критика русскими либералами отрицательных сторон российской действительности резко отличалась от позиций Герцена, одного из первых революционных-демократов своей страны. Конечно в определённой степени споры и раздумья либералов-западников о судьбах России с самого начала носили критический характер. На после воцарения на престол Александра II-ого, они стали выступать гораздо смелее, считая себя — по выражению Кавелина — представителями „... большинства просвещённых и благомыслящих людей в России“.⁴² (О первом политическом выступлении либералов говорится в статье В. Н. Розенталя, поэтому мы не освещаем его подробно.⁴³) Между их позицией и позицией занятой Герценом в оценке коренных вопросов, волновавших тогда Россию, на первый взгляд не так уж легко найти точки соприкосновения.

Выступая в начале 1855-ого года с критикой терпящей поражение за поражением николаевской системы, формулируя её в ряде статей, переправленных затем в Лондонскую Вольную Типографию, Кавелин и Чичерин сочли нужным публично отмежеваться от политических взглядов Герцена.⁴⁴ Присланные ими в Лондон статьи Герцен напечатал в первом выпуске сборника „Голоса из России“. Открывает этот сборник написанное совместно Кавелиным и Чичериным „Письмо к издателю“ — резкая критика революционной деятельности Герцена. — „К нам — заявляют авторы письма — революционные теории не только не приложимы: они противны всем нашим убеждениям и возмущают в нас нравственное чувство“.⁴⁵

Судя по данному письму, Кавелин и Чичерин были особенно возмущены прокламациями Вольной Типографии, обращенными непосредственно к народу, а также теоретическими размышлениями Герцена о судьбах „русского социализма“, сформулированными — на их взгляд — под влиянием идей „социалистов Запада“, в частности Грудона. Кавелин и Чичерин негодовали и по поводу участия Герцена

в делах международной эмиграции и его выступлений на митингах (причём их сведения подчас были очень конкретными и точными.)⁴⁶ „... Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отклика, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение. — говорится в „Письме к издателю” — ... Вы созываете сходки ни на что не нужные и ни к чему не ведущие; всею силою ораторского красноречия стараетесь убедить Кошута, Маццини, Ледрю-Ролена и других, что у них есть единомышленники в нашем отечестве. Революционные выходцы всех стран и народов, составляющие в Лондоне ничем не властвующее правительство, по вашему ходатайству, примиряются с Россиею и принимают её в свой союз. Ну, признайтесь, не чистая ли это комедия? Полноте разыгрывать эти фарсы и морочить себя и других фантастическими представлениями о небывалых сообщниках. Дело нам нужно, а не громкие фразы и не мелодраматические сцены.”⁴⁷

Кавелин и Чичерин не одобряли не только выступления и публицистику Герцена, но и блестящую статью В. А. Энгельсона „Что такое государство?”, направленную в том числе и против иллюзий либералов.⁴⁸

Не мог понравиться авторам письма и „международный характер” первого номера „Полярной звезды”. Изю всех материалов, помещённых в альманахе, им пришлось по душе лишь письмо Герцена к Александру II-ому „... исполненное (по их мнению — М. К.) благородных чувств и горячей любви к народу”. „Нас радует, что вы можете писать другим тоном — „выговаривают” в связи с этим Герцену Кавелин и Чичерин — нежели каким вы пишете все ваши социальные статьи. Но для чего считаете вы нужным извиняться в этом письме? *Неужели на вас так далеко влияние ваших западных друзей, что вы должны оправдывать перед ними единственную политическую статью, написанную с должным благоразумием?*”⁴⁹

Пересылая „Письма к издателю” в Лондон, Кавелин и Чичерин старались убедить Герцена в „добрых намерениях” Александра II-ого. По их мнению революционные теории „... тогда только могли бы пустить корни между русскими, когда бы правительство продолжало идти по прежней колее.”⁵⁰ Видимо надежда авторов „переубедить Герцена” в какой-то мере основывалась на противоречивых моментах первого номера „Полярной звезды”, а также некоторых других герценовских статей (см. об этом выше). В письме к Герцену Кавелин и Чичерин не скрывали, что наряду с требованием реформ сверху, они стремились приложить все усилия, чтобы избежать выступления „... низших классов народонаселения.”⁵¹

* * *

Как отреагировал на „Письмо к издателю” Герцен? После вступления на престол Александра II-ого он продолжал оставаться идеологом общинного, „русского социализма”, но начал пользоваться иными методами борьбы с крепостничеством, и, следовательно, мы не видим

ничего противоестественного в том, что в процессе этого он несколько приблизился к лагерю русских либералов. Последнему во многом способствовала — помимо объективных обстоятельств истории его страны — вера Герцена в надклассовый характер императорской власти в России. Не соглашаясь с резкой критикой авторов „Письма к издателю“, как и с содержанием большинства статей первого номера „Голосов из России“ [„Статьи русские печатаю, а плохи...“ — говорится в его письме к М. И. Рейхель от 16 августа 1856 г. (XXVI. 18)], Герцен подчёркивал свои политические разногласия со своими знакомыми-либералами [„... Москва для меня утратила половину своего значения — с тех пор, как Огарёв здесь, а Грановский в могиле. Остается один Корш, с Кетчером — мы были бы опять на ножках через день; с другими — я далеко расхожусь во всём. Посмотрите статью Кавелина...“ (XXVI. 30)] Но *оставаясь* во многом на „старых позициях“, Герцен тем не менее воспринял первые статьи и выступления русских либералов, как „... первые опыты, ещё робкие и непривычные, русской речи о русском общественном деле, являющиеся после тридцатилетнего молчания“. (XII. 329)⁵²

Начало раннего сотрудничества Герцена с либералами-западниками неотделимо не только от желания редактора „Полярной звезды“ с их помощью войти в контакт с широкими оппозиционными кругами России, но и от его *личных* отношений с ними. Так, например, знакомство Герцена с Кавелиным было не только давним, но и довольно близким. По словам Кавелина, общение с Герценом сыграло в свое время — в 40-ые годы — огромную роль в его духовном развитии.⁵³ В свою очередь Герцен ценил Кавелина, как учёного и человека, назвал его в письме к Гервегу от 17 июля 1850-ого года „замечательным историком“. (XXIV. 121), и, вероятно, собирался привлечь к работе в немецком демократическом издании „Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben“.

С целым рядом либералов, в том числе с Мельгуновым, Герцен был знаком еще по Москве.⁵⁴ Не меньшую роль сыграл в начале сотрудничества Герцена и либералов тот факт, что уже в 1855-ом году, последние желали найти в нём издателя, а быть может впоследствии и союзника в борьбе с крепостниками-консерваторами и высшим чиновничеством из николаевского окружения. Конечно неудивительно, что те-же — Кавелин и Чичерин — как и, за несколько дней до смерти, Т. Н. Грановский⁵⁵ — остались недовольными первым номером „Полярной звезды“, но в их „Письме к издателю“ есть и такие строки: „Уважаю вас от глубины души одного из даровитейших русских писателей, совершенно беспристрастно ценя вашу любовь к общей нашей великой матери — России, храня о вас самое благодарное воспоминание за вашу блистательную литературную деятельность, в высокой степени благотворное влияние на русскую мысль, в то время, когда вы ещё находились в России, — мы далеко не разделяем вашего образа мыслей“, ... „мы с вами равно любим (Россию — К. М.), равно живём её счастьем, честью, славою, её настоящим и будущим“.⁵⁶

Можно себе представить какое положительное впечатление должны были произвести эти — на наш взгляд — искренние слова, в 1855-ом году на Герцена, не привыкшему еще получать из России вообще писем. Несомненно это место „Письма к издателю” было сформулировано с целью смягчить резкие выпады других абзацев против Герцена.

* * *

Как известно, Александр Герцен впоследствии возвратился на страницах „Полярной звезды” и „Колокола” к первому номеру „Голосов из России” (в частности к помещённому в нём „Письму к издателю”). Полемизируя со своими либеральными критиками, он подчёркивал нежелание придать „Полярной звезде” утилитарный, узкообличительный характер. (XII. 329, 359—360). Критикам-либералам была дана отповедь и в одной из статей Н. П. Огарёва. Соредактор „Колокола” ответил им тонко и остроумно, учитывая однако все нюансы политического положения в России. Пробуждающееся после летаргического сна николаевщины русское общество Огарёв сравнил с большим „... теоретические предметы его (больного — К. М.) не занимают; — старается он дать объяснение на нежелание либералов поддерживать альманах теоретического характера — он только спешит осмотреться и осознать окружающую среду и спрашивает, когда же он совсем выздоровит, ... всякий отвлечённый вопрос его тревожит и пугает, а не возбуждает в нём участия”.⁵⁷

Герцен — а потом и Огарёв — уделяли много внимания „Письму к издателю” ещё и потому, что это был ещё пока один из первых немногочисленных откликов на их авторскую и издательскую деятельность.⁵⁸ Впрочем полтора-два года спустя в Лондон стали более регулярно поступать корреспонденции о положении в России. Авторами их были в большинстве случаев опять же либералы-западники, как например Кавелин, Н. Ф. Павлов, С. С. Громеко, а затем и славянофил И. С. Аксаков. Информация поступала в Лондон от живущих месяцами во Франции и Германии Н. А. Мельгунова и И. С. Тургенева.⁵⁹ Перечисленные нами лица не могли не оценить огромную роль свободного слова в жизни России, и не заметить успеха герценовских изданий после смерти Николая. Отсюда их желание сотрудничать в бесцензурной прессе с одной стороны, но отсюда же и некоторая „уступчивость” Герцена — обрадовавшегося появлению новых сотрудников — с другой. Неудивительно, что в 1857—58 гг. отношения между Герценом и некоторыми русскими либералами и в политическом отношении приобрели более тесный характер, „... ты наш язык, наш вечево́й колокол” — писал Герцену Мельгунов.⁶⁰ „Всё думающее, пишущее, желающее добра — твои друзья и более или менее твои читатели” — писал Кавелин в письме к Герцену от начала 1858 года. И конечно тон и содержание этого письма, несмотря на некоторые критические замечания, заметно отличаются от „Письма к издателю”.⁶¹

Как мог отнестись к такой „активизации” либералов Герцен? Мы уже отмечали выше, что поддерживая контакты с либералами,

он не перешёл в их лагерь, но и не считал ещё в характерных для России специфических условиях либерализм, как течение опасным или вредным для революционного движения,⁶² и совершенно серьёзно верил в возможность сотрудничества с ним. Ярче всего свидетельствует об этом статья „Ещё вариация на старую тему“, помещённая в третьем номере „Полярной звезды“ и посвящённая И. С. Тургеневу. В ней Герцен рекомендует своим читателям — в первую очередь либералам-западникам — „... делать все усилия, каждый по своим мышцам, на своем месте, чтоб уничтожить все заборы, мешающие ... свободному развитию народных сил, поддерживающие негодный порядок вещей, ...“. „... будемте равно будить сознание народа и самого правительства“ — предлагает Герцен своим новым союзникам (XII. 436).⁶³

Возвращаясь к проблематике данной статьи, напомним, что не переходя в лагерь либералов и не разочаровавшись в идеалах „русского социализма“, в 1857—58 гг. Герцен отчасти уже по иному представлял себе пути к его осуществлению. Статьи этих лет свидетельствуют о том, какое большое впечатление произвели на него первые реформы Александра II-ого, которые ввели значительные перемены в российскую жизнь: начиная от уменьшения цензурного гнёта и кончая тем, что сравнительно большому количеству лиц разрешили свободно выезжать за-границу. Надежды Герцена питались и сведениями о подготовке освобождения крестьян. В связи с этим, он стал получать многочисленные корреспонденции от либералов — сначала от западников, а затем и от славянофилов — и, будучи заинтересованным в скорейшем проведении антикрепостнических реформ, считал своих новых „сотрудников“ в определенной степени союзниками.⁶⁴ Поэтому не удивительно, что в герценовских изданиях того периода меньше места уделено публикациям чисто „теоретического“ характера. В статьях его социалистическая тематика и даже терминология на время отходит на второй план.⁶⁵ И, наконец, мы видим, что *под влиянием критики либералов Герцен старается не придавать своим изданиям — как и одно время своей публичной деятельности в целом — „международного“ характера и прекращает поэтому публиковать в „Полярной звезде“ материалы иностранных авторов.*⁶⁶

Но при этом следует отметить, что сотрудничество Герцена с либералами с самого начала было довольно непрочным. Начиная с известной полемики Герцена с Чичериным, противоречия между ними углубляются, а затем — постепенно — приводят к полному разрыву. Однако, изложение этого процесса не входит в задачу данной статьи.

* * *

Несколько слов о предполагаемом сотрудничестве в „Полярной звезде“ двух эмигрантов из Восточной Европы: поляка Иохима Лелевеля и венгра Ференца Пульского.

Намерение Герцена напечатать в своем альманахе письмо Лелевеля и одно из его выступлений не вызывает у нас удивления. Во-

первых, Герцен — в который раз! — хотел продемонстрировать единение с поращенной Польшей.⁶⁷ Во-вторых, имя Лелевеля, несмотря на официальное клеймо „бунтаря”, пользовалось в кругах русской интеллигенции значительной популярностью.⁶⁸ Трудami Лелевеля интересовались не только прогрессивно настроенные ученые, но и такой видный представитель реакционного панславизма, как М. П. Погодин.⁶⁹ Причем сам Лелевель, в отличие от некоторых польских эмигрантов (Адама Гуровского, Мирского), не питал иллюзий относительно идей консервативного панславизма. В середине 50-х годов Лелевель в первую очередь являлся сторонником *революционного единения* славян и традиционного лозунга левого крыла польской эмиграции „За нашу и вашу свободу”. Этим он мог быть близким Герцену.⁷⁰

И тем не менее вследствие упомянутых выше причин, письмо Лелевеля к Герцену не было опубликовано в „Полярной звезде”. По словам составителей библиографии трудов Лелевеля, оно было впервые напечатано на польском языке в 1864-ом году в Познани.⁷¹ (На русском языке письмо полностью приводится в сборнике „Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей”.⁷²) Характерно, что Лелевель подчеркнул в нём разницу между царизмом и революционной Россией: „Когда Бакунин открыто заявил о своих принципах и о своей миссии, то мы ... в Брюсселе, на торжественном собрании провозгласили братский союз между русскими и поляками”. Далее Лелевель четко формулирует свои взгляды о польско — русском революционном сотрудничестве: „Польша, ... не может подняться, опираясь только на свои собственные силы, на свой национальный принцип. Только революции могут послужить удобным для этого моментом. Тогда вам, русские братья, надлежит соединиться с нами в общем деле, равно как и нам надлежит восстать, когда вы развернете знамя свободы”. „... мы трудимся не для себя, а для будущих поколений Дорогой брат, утешай ... своих соотечественников, одобряй их, защищай наше общее дело, давай добрые советы, усиливай любовь к свободе, укрепляй волю к её достижению” — торжественно заканчивает Лелевель письмо в „Полярную звезду”.⁷³

Во втором номере альманаха Герцен сообщил не только о скором появлении в печати письма Лелевеля, но и о своём намерении опубликовать в альманахе его речь, произнесённую в 1845-ом году в Брюсселе в дни 15-ой годовщины польского восстания 1830 — 31 гг. Речь эта была напечатана тогда Лелевелем в органе польских эмигрантов „Orzeł Biały”.⁷⁴ Герцен вероятно имел старый номер этой газеты или рукописную копию речи (возможно даже присланную ему автором вместе с ответом на приглашение сотрудничать в альманахе). Текст этой речи, как и письмо Лелевеля к Герцену, вошёл в XX. том познанского издания сочинений польского историка и мыслителя.⁷⁵

Хотя Герцен впоследствии не желал уже придавать „Полярной звезде” международного характера и не опубликовал в 3-ем или 4-ом номерах альманаха польские материалы, однако польский вопрос остался в центре его деятельности. Планируя издание „Колокола”,

он отмечает в письме к Мишле, то желает заниматься исключительно вопросами России и Польши. (XXVI. 94). В том же „Колоколе“, особенно в 1861—66 гг. были помещены многие его статьи по польскому вопросу. Вообще в 60-ые годы, Герцен стал гораздо больше внимания уделять „славянскому вопросу“. Но следует подчеркнуть, что эта тема фигурировала уже в первоначальных планах Герцена в связи с „Полярной звездой“. Небезынтересно, что к её разработке он хотел привлечь своего друга и активного сотрудника, венгра Ференца Пульского.

Собираясь публиковать в „Полярной звезде“ статью Пульского о панславизме, Герцен — на наш взгляд — по своему демонстрировал неприязнь к этому консервативному крылу славянских движений. О славянских движениях Герцен был осведомлен еще в Москве из бесед со славянофилами.⁷⁶ Однако, за первые годы лондонской эмиграции он не посвятил ни одной отдельной статьи ни панславизму, ни по сути дела, славянскому вопросу. „... я слишком добросовестен, чтобы взяться за работу, о которой вы говорите — отвечал он В. Линтону на письмо с просьбой написать статью о славянских движениях. — Лучше вам обратиться к Братиано, ему знакомы эти вопросы, ему знакомы южнославянские народы, и он лишён моего скептицизма“ (XXV. 140). Обращаясь к Ференцу Пульскому с просьбой выступить в „Полярной звезде“ на данную тему, Герцен не мог не знать, что его венгерский друг является давним противником панславизма, и что он еще в 40-ые годы вёл полемику на страницах „Augsburger Allgemeine Zeitung“ со славянскими лидерами. (Статьи Пульского — отмечает в предисловии к его однотомнику известный венгерский историк Генрих Марцали — навлекли на него гнев Яна Коллара.⁷⁷)

Как известно в середине 50-х годов XIX-ого века Ференц Пульский был ближайшим лондонским сотрудником Лайоша Кошута, своего рода „министром иностранных дел“ самой крупной и влиятельной группировки венгерской эмиграции. Неудивительно, что (придерживаясь либеральных взглядов) он входил в сношение с людьми различных политических направлений: как с Маццини и Ворцелем, так и с Адамом Чарторижским.⁷⁸ Пульский постоянно встречался не только с эмигрантами, но и с английскими политиками от Кобдена до Уркварта. Он был знаком с журналистами-франкмассонами, с воротилами лондонской биржи, со многими писателями и учёными. В кругах английской интеллигенции большой популярностью пользовались его американские записки, подготовленные к печати в соавторстве с Терезой Пульской. Будучи хорошо известным в разных сферах общества, — в том числе и среди эмигрантов-славян — Пульский считался признанным авторитетом и в вопросах, касающихся стран Восточной Европы. Интерес к этому питался событиями Крымской войны, вследствие чего Пульский стал уделять много внимания положению славянских и других народов, населяющих территорию Российской империи.⁷⁹

Отрицательное отношение к славянским движениям вообще, а к панславизму в частности, не мешало Пульскому с интересом следить за деятельностью более или менее прогрессивно настроенных славян-

ских лидеров. Так, ещё в 1849-ом году, являясь парижским, а затем лондонским представителем венгерского правительства, он пытался войти в сношение с хорватскими и сербскими политиками Берlichem и Геркаловичем. Вместе с ними он присутствовал на банкете, созданном по случаю основания Мицкевичем газеты „La Tribune des Peuples”.⁸⁰

Во время крымской войны Пульский напечатал в ньюйоркской газете „New York Tribune”, несколько статей, посвященных славянскому вопросу. Информации его могли быть довольно разносторонними, т.к. в Лондоне он постоянно встречался и вёл оживлённую переписку с Головиным, Герценом, Братиано и целым рядом поляков, принадлежавших к различным течениям „Великой эмиграции”.

Встречаясь с Герценом, Ференц Пульский — о чем свидетельствуют его воспоминания, статьи и эпистолярное наследство — почерпнул в разговорах с ним немало интересных сведений о России. Ненавидя николаевский режим, он относился с уважением к русским революционерам, перевёл — вероятнее всего с немецкого — на английский язык поэму Рылеева „Войнаровский”,⁸¹ стихи Бестужева и — судя по найденным нами в рукописном отделе библиотеки им. Сечени черновикам — отрывки из повести Пушкина „Капитанская дочка”.⁸² Знал Пульский и об основных течениях в русской литературно-общественной жизни 40—50-х годов, о взглядах западников и славянофилов. К славянофилам, некоторые сведения о которых уже просочились на Запад к этому времени, он, конечно, не мог относиться положительно. „Русские мало думают о свободе, когда речь заходит о панславизме” — констатировал впоследствии Пульский в своих мемуарах, имея ввиду прежде всего славянофилов.⁸³ Заметим, что односторонне отрицательная оценка Пульским славянских движений и роли России в истории Европы впоследствии усилилась и прибрела — особенно в 1877—78 гг. — крайне резкие формы.⁸⁴

О деятельности славянофилов, Пульский был осведомлен и из разговоров с Герценом. Об этом свидетельствует, например, следующая интересная запись из его рукописного дневника от 1-ого мая 1859-ого года: „Русские не стремятся к территориальным завоеваниям, они заинтересованы лишь в том, чтобы Босфор и Зунд находились в дружественных, слабых руках. Ожидается мятеж в Турции. По словам Диоши, Герцен описывает в северной звезде (sic! т.е. „Полярной звезде” — К. М.) посещение России Гаем, энтузиазм славянофилов. Они, а не правительство давали деньги на иллирийскую типографию и на первые выступления. Они считают, что царь слаб и ничего не делает”.⁸⁵

Возвращаясь к обстоятельствам издания и подготовки к печати первых номеров „Полярной звезды” и предполагаемого сотрудничества в ней Пульского, подчеркнём: *нет ничего удивительного в том, что Герцен обратился с просьбой написать статью о панславизме к Пульскому, эмигранту-венгру, относящемуся к этому движению отрицательно.*

- Сам Герцен, как известно относился в это время к панславизму также в сущности отрицательно.⁸⁶
- Пульский считался специалистом в этом вопросе и приобрёл к середине 50-х годов репутацию известного журналиста.⁸⁷
- Герцен считал Пульского незаурядной личностью, назвал его в письме к Мишле „более чем выдающимся человеком” (XXV. 241).
- В отличие от многих эмигрантов, Пульский был крайне пунктуален и отличался большой работоспособностью. Так например, обещав Герцену однажды написать рецензию о книге Мишле, Пульский незамедлительно выполнил своё обещание и сдал её — в трёх вариантах — в различные печатные органы (XXV. 265).

Намерение Герцена поместить статью Пульского о панславизме в „Полярной звезде” относится к концу 1855-ого или началу 1856-ого года. Как известно, она не появилась, однако, ни в третьем, ни в четвертом номере альманаха. И дело не только в том, что после заключения Парижского мира и начала сотрудничества с русскими либералами-западниками профиль „Полярной звезды” отчасти изменился. *Статья Пульского о панславизме вызвала бы гнев и негодование* в первую очередь не у западников, а у славянофилов.

Несмотря на многочисленные разногласия с этим идеологическим течением русской — в первую очередь пока еще дворянской — интеллигенции, Герцен с середины-конца 1857-ого года (а возможно уже и раньше!) положительно оценивает антикрепостническую позицию левых славянофилов. С конца 1857-ого года он входит в контакт с Иваном Аксаковым, пьесу которого, бичующую пороки русской судебной системы, намеревался поместить в „Полярной звезде” ещё годом раньше.⁸⁸ Завязывающимися связями с И. Аксаковым и левыми славянофилами, не согласными с крайне консервативной позицией славянофилов правых, Герцен очень дорожил и был доволен установившимися с ними „мирными” отношениями. „У нас перемирие со славянофилами, после № 3 „Колокола” — сообщает он 27 августа 1857-ого года Мальвиде Мейзенбург (XXVI. 117).⁸⁹ *Публикация в „Полярной звезде” статьи Пульского явилась бы серьезным нарушением этого перемирия.* Ведь И. Аксаков и ряд левых славянофилов занимали в то время панславистские позиции и являлись зачинателями движения по подготовке организации „Славянского комитета” в Москве.⁹⁰ Герцен между тем был крайне заинтересован в поддержке славянофилов, и по сему вынужден был считаться с их — панславистской — позицией, стараясь одновременно не афишировать публично своего участия в деятельности международного революционного движения, о чём свидетельствует следующее его письмо от 1-ого декабря 1857-ого года Мальвиде Мейзенбург: „Я был неприятно поражен, узнав, что Международный комитет собрался устроить митинг по случаю 14 декабря. *Всякие такие манифестации чрезвычайно непопулярны у нас.*

Я думаю, что у Таландье хватит дружеской приязни, чтобы их отговорить от этого замысла" (XXVI. 140).

Но ещё раз повторяем, что из фактов, приведённых выше, не следует, будто бы отношения между Герценом и эмигрантами изменились коренным образом, они видоизменились, но ни на минуту не прервались. Обретя популярность и влияние в России, Герцен, начиная с 1859-ого года, мог всё чаще обращаться на страницах „Колокола” к вопросам внешней политики России и международного революционного или национально-освободительного движений. Как и в 50-ые годы он выступал против союза России с реакционными правительствами Габсбургской монархии и Пруссии и ратовал за предоставление национальной независимости польскому, итальянскому и венгерскому народам.⁹¹ Об этом свидетельствуют его выступления на страницах „Колокола”, а так-же сама его общественно-политическая деятельность. (Между прочим, в том-же „Колоколе” иногда печатались письма Виктора Гюго и Гарибальди. Визиту последнего в Лондон, Герцен посвятил серию статей. В шестидесятые годы Герцен и Огарёв чаще выступают с остатками теоретического характера и больше места посвящают в них путям к осуществлению идей „русского социализма”. Мы видим в этом отчасти продолжение традиций первого номера „Полярной звезды”).

Деятельность Герцена в области борьбы за сплочение лучших сил революционной России и Европы не прошли мимо современников. „Одно из необходимейших условий развития европейской революции он видел в союзе Востока и Запада, основывающемся на взаимном проникновении современной западной идеи, социализма и коммунистических обычаев, традиционных у русского народа” — говорится в некрологе Герцена, написанном членом I-ого Интернационала (и, кстати, одним из „западных” сотрудников первого номера „Полярной звезды”) Альфредом Таландье.⁹² Без преувеличения можно сказать — имея ввиду известные слова Ленина о преемственности традиций русских революционных поколений — что российская социал-демократическая пресса, с ее ярко выраженным революционным, интернационалистическим характером, в известной степени имела своего предшественника в лице первого номера герценовского ал.манаха.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kossuth, Lajos Iratai. (Лайош Кошут, Сочинения) Budapest, 1895, т. У, стр. 250 — 251.

² Г. В. Плеханов: Сочинения, под редакцией Д. Рязанова, Москва — Ленинград, 1927, т. XXIII, стр. 445.

³ О связях Герцена с Кошутом и венгерской эмиграцией см.: *Belia György—Cs. Gárdonyi Klára: Gercen és a magyar emigráció, Irodalomtörténeti Közlemények*, 1954, I, стр. 43—53, а также „Герцен и венгерская революционная эмиграция” Публикация Дьёрдя Белия и Клары Ч. Гардони, Литературное наследство (в дальнейшем Л. Н.), Москва, 1958. т. 64, стр. 419—439; *Józsa Antal: A Kolokol magyar vonatkozásai* (Антал Йожа: Венгерская тематика в „Колоколе”) Tanul-

mányok a magyar – orosz irodalmi kapcsolatok köréből, Budapest, 1961. т. I, стр. 343 – 376; *Kun Miklós*: A. I. Gercen és Magyarországi, különös tekintettel a Kossuth-emigrációhoz (1852 – 1867) fűződő kapcsolataira (Миклош Кун: А. И. Герцен и Венгрия), Bölcsészdoktori értekezés, Budapest, 1970.

⁴ См. об этом *Partridge M.*: Alexander Herzen and the English Press, The Slavonic and East European Review, vol. XXXVI, 1958, 6, 453 – 470 p.; а также *Партридж Моника*: Александр Герцен и английская периодическая печать, Вопросы литературы, 1959, 4, стр. 141 – 146;

⁵ *Гершензон М. О.*: Образы прошлого, Москва, 1912. стр. 176.

⁶ *А. И. Герцен*: Былое и думы, Москва – Ленинград, 1932, т. II. стр. 563.

⁷ Курсив Герцена.

В противном случае писал Герцен „... Полярная звезда” будет выходить на французском языке и из органа пропаганды дома делается органом союза и сближения”. (XII. 295 – 296). Писать на французском языке советовал ему несколько раньше П. Я. Чаадаев. См. об этом в книге, отличающейся оригинальной концепцией и новизной постановки вопроса: А. Лебедев: Чаадаев, Москва, 1965, стр. 239 – 240.

⁸ Курсив Герцена.

Произведения и письма Герцена цитируются по изданию: АН. СССР ИМЛИ им. Горького; *А. И. Герцен*: Собрание сочинений в тридцати томах, Москва. 1954 – 1964.

⁹ Н. Я. Эйдельман: Тайные корреспонденты „Полярной звезды”. Москва, 1966, стр. 13 – 15 и далее.

¹⁰ *Labry Raoul*: Herzen et Proudhon, Paris, 1928, стр. 140.

¹¹ Курсив наш.

По получении нового письма Пьянчани, Герцен посылает ему весьма примечательный ответ, свидетельствующий о том что он хочет сосредоточиться в первую очередь на русских делах: „Мы очень откровенно говорили с Телеки; я не могу, не имею право дробить свои силы. Я тружусь, я полезен русскому обществу, (я, может быть, ошибаюсь, но это моя мания). Надо иметь мужество ограничить себя” (XXV. 248) Курсив Герцена. В письме, однако, речь идёт пока лишь о нежелании Герцена поддерживать в материальном отношении издание Пьянчани, а не о нежелании публиковать в „Полярной звезде” статьи эмигрантов.

¹² Курсив Герцена

¹³ Одно время Герцен желал иметь среди сотрудников „Полярной звезды” Пьера Леру, идеала своей молодости. Но Герцен хотел и материально помочь бедствующему товарищу по эмиграции: „П. Леру тоже мог бы дать мне статью – за его статью я попрошу его принять гонорар (вот один из способов, не хуже всякого другого, помочь ему)”, – сообщает он Пьянчани в письме от 6-ого июня 1855-ого года (XXV. 275). Почему П. Леру не откликнулся на это, мы не знаем. Известно лишь то, что в это время он находился в весьма дружеских отношениях с В. А. Энгельсоном, ставшим врагом Герцена.

¹⁴ Полярная звезда; Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. (факсимильное издание). Москва, 1967. т. У. стр. 225 – 226 (в дальнейшем Полярная звезда).

Из ответного письма Герцена видно, что он в общем разделял „крайние” взгляды Прудона и лишь из тактических соображений не высказывался в своих статьях в столь резкой форме: „... вы единственный независимый мыслитель Революции; – пишет он Прудону – у большинства остальных – готовый, законченный, неизблемый свод идей. Они – как протестантские попы, которым дозволяется дискутировать лишь до таможенного теологического рубежа; достигнув его, они обрываются на жевание жвачки из бесконечных вариаций на старые темы с арабесками и риторикой”. (XXV. 284) Курсив Герцена.

Аналогичную Прудону мысль высказал между прочим и Н. П. Огарёв в одной из эпиграмм (датировка её – приблизительно 1858 г.);

„Я не люблю попов, ни наших, ни чужих –
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви, иль попы свободы –
Все подлещи! Всех к чёрту! Что нам в них?

На место этих иноков бесплодных
Давайте просто нам — людей свободных". —

— Л. Н. Москва, 1953, т. 61. стр. 593.

- ¹⁵ Во время составления альманаха, Герцен почти не переписывался или не встречался с немецкими изгнанниками за исключением Ю. Фрëбеля и М. Мейзенбург. Поэтому нас совсем не удивляет отсутствие в его издательских планах „немецкой темы“, т.е. статей Г. Кинкеля, Ф. Таузенана, К. Блинда, М. Гесса, или А. Руге. (Мало известен тот факт, что в середине 50-х годов XIX-ого века, Герцен присутствовал на каком-то тайном собрании эмигрантов вместе с Шандором Телеки, Ш. Риберойлем и А. Руге, председательствовавшим на этом собрании (см. *Baumgarten Sándor: A szabadság kőbor lovagja...* (Шандор Баумгартен, Блуждающий рыцарь свободы), München, 1962, стр. 145; Автор относит это собрание к середине 50-х годов, но говорит о Герцене, как об издателя „Колокола“. В воспоминании Телеки эта сцена изложена несколько по другому. См.: *gr. Teleki Sándor: Emlékeim* (граф Шандор Телеки: Воспоминания.) без указ. года издания. стр. 205 — 208; [Так как все (известные нам) участники этого собрания были видными масонами, можно предположить, что Герцен из любопытства посетил заседание одной из лондонских лож. Сам он относился к масонству отрицательно.] Об издании герценовского альманаха довольно скоро узнали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В письме Энгельсу от 18 мая 1855 г. Маркс весьма иронически отозвался об этом: „Ты, вероятно, читал в одном из старых номеров аугсбургской „Allgemeine Zeitung“, что великий Герцен с августа будет издавать здесь русский журнал — „Полярную звезду“: см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. второе, Москва. 1962. т. 28. стр. 373.

- ¹⁶ В. И. Ленин: Полное собрание сочинений, т. 21. стр. 258 — 259.

- ¹⁷ То же самое можно сказать о некоторых местах „Объявления о „Полярной звезде“ 1855. „Николай прошёл, и „Полярная звезда“ является снова, в день нашей Великой пятницы, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями“. (XII. 265) — говорится в этой статье, окончательная датировка которой 25 марта (6 апреля) 1855 г. Незадолго до появления её, 24 января того же года, в связи с казнью Бартеlemi, Герцен пользуется в письме к Пьянчани тем же образом: „... мы то, русские, по милости Николая, приучились смешивать виселицу с распятием“. (XXV. 288) Курсив наш.

- ¹⁸ Курсив Герцена

- ¹⁹ Курсив Герцена

- О связях Герцена с Шандором Телеки, см. *Várad-Sternberg János: Utak és találkozások* (Штернберг Яков Исаакович: Пути и встречи.) Uzhorod, 1971. стр. 67 — 76; автор считает, что Телеки не написал эту статью. — указ. соч. стр. 72.

- ²⁰ М. О. Гершензон: указ. соч., стр. 195 — 196.

- ²¹ Опубликовав в первом номере „Полярной звезды“ дружескую рецензию на первый том „Истории XVI. столетия“ Мишле, Герцен впоследствии в статье „Западные книги“ (1857 г.) отметил достоинства четвёртого тома (XIII. 100). В дальнейшем хоть и оставаясь другом и почитателем таланта Мишле, Герцен уже не печатал в своих изданиях отрывки из его произведений или подробных рецензий на них. Небезынтересен цитируемый ниже ответ Н. А. Мельгунова на вопрос Герцена — известны ли в России произведения Мишле, в частности аннотированный им в „Полярной звезде“ „Renaissance“: „Его книги (т.е. Мишле — М. К.) нам известны в России, но говорить об них в журналах едва ли можно. Знаешь ли ты, что Грановский умер, читая“ Мишле? Ему как историку Мишле как историк не нравился, хотя он и отдавал полную справедливость его таланту“. Л. Н.: Москва, 1955, т. 62, стр. 328. См. *Miklós Kun: Michelet et ses contemporains russes*, "Europe", 1973, XI — XII, Paris, 217 — 221.

Кроме Мишле, а также Маннини и Таланье в 1855 — 57 гг. Герцен продолжал поддерживать отношения и с другими иностранными корреспондентами первого номера альманаха. Приводим ниже отрывок из письма Гюго: „Нет более возвышенного сердца и более благородного ума, чем Александр Герцен. Я счастлив теми свидетельствами симпатии, которые от него получаю. Я рукоплещу успеху

„Полярной звезды”, которую, к сожалению, не могу читать, ...”. Л. Н.: Москва, 1941. т. 39 — 40, стр. 280.

Осведомлялся о Герцене, после появления в „Полярной звезде” и Прудон. (XXVI. 15). О дальнейших их связях см. *Raoul Labri*: указ. соч., стр. 150 и далее. Встречался в 1855 — 57 гг. с Герценом и Луи Блан. См.: Л. Н.: указ. соч. т. 39 — 40, стр. 284.

²² Мнение о Саффи Герцена хорошо характеризуют слова последнего: „Это единый святой в проклятом Западе”. (XXVI. 49)

С Саффи Герцен делился самыми сокровенными планами. Вот одно из примечательных мест их переписки, относящееся к частному вопросу, но имеющее и общий характер: „Отсутствие общественного мнения — одна из самых страшных бед революционной партии. Я считаю вполне законным и необходимым не терпеть в партии негодяев и защищать сообща людей чистых... У меня не выходит из головы давнишняя моя мысль о нашем собственном трибунале. У нас его нет, потому что мы не составляем партии, мы не части живого организма, а носители мертвой идеи-трупа”. (XXV. 321).

²³ Герцен — Лемке: указ. соч., т. 8, стр. 173.

²⁴ М. О. Гершензон: указ. соч. 268 — 269.

²⁵ Курсив Герцена

Очень интересен тот факт, что когда в конце 1860-х годов Герцен и Огарёв вели переговоры с Н. И. Жуковским о возобновлении регулярного издания „Полярной звезды”, последний высказал ряд дельных соображений, во многих напоминающих нам герценовскую концепцию первого номера альманаха. Л. Н.: Москва, 1955, т. 62, стр. 137.

²⁶ Комментарии академического издания Собрания Сочинений А. И. Герцена в связи с этим вопросом лишь констатируют факт, но не дают никаких объяснений. (См. XII. 543 — 544).

²⁷ Курсив Герцена

Выступление Герцена в Ганновер-руме было самым революционным, отметил выступивший на митинге венгерский священник-эмигрант Яцинт Ронаи, в своих воспоминаниях, вышедших в свое время в 10 (!) экземплярах и представляющих теперь библиографическую редкость. *Ronay Jácint: Huszonöt év reményei és csalódásai* (Яцинт Ронаи: Надежды и разочарования 25-ти лет) место и дата выпуска не указаны, т. II, стр. 128.

²⁸ В. И. Ленин: Полное собрание сочинений, т. I, стр. 280.

²⁹ „О „русском” социализме” Герцена и о его теоретической деятельности из более старых публикаций см. И. Нович: Духовная драма Герцена, Москва, 1937, стр. 83 — 123; см. также сборник „Проблемы изучения Герцена”; Москва, 1963, стр. 9 — 16, 43 — 82; Б. П. Козьмин: Из истории революционной мысли в России, Москва, 1961, стр. 578 — 606; А. Володин: В поисках революционных теорий (А. И. Герцен), Москва, 1962, стр. 65 — 88;

Генезису мировоззрения Герцена, а также его теории „русского социализма” посвящена книга американского учёного Мартина Малиа, с которой (в том числе и с главой „Русский социализм”) историк-марксист никак не может согласиться см. *Martin Malia: Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism*, Cambridge, Massachusetts, 1961.

³⁰ Выражением „*fará da se*”, столь популярным в кругах мащиниевской эмиграции, Герцен пользовался и в письме к Прудону, причём почти дословно повторил мысли из письма к Мишле: „... без содействия западных социалистических идей славянские народы никогда не соберутся с силами и не перейдут от патриархального коммунизма к сознательному социализму. Россия более скромная, чем Савойя, не *fará da se* — ей нужна солидарность европейских народов, их помощь” (XXV. 285). Письмо это было написано во время Крымской войны. Стоя на позициях революционного пораженчества, Герцен был готов заключить союз с социалистами Запада, но не с враждебными России правительствами. После смерти Николая он опять воспользовался этим же сравнением, но уже в другом — противоположном — смысле. В письме к неизвестному польскому эмигранту говорится: „Смерть Николая была одной из тех счастливых исторических случай-

ностей, одним из тех решительных вмешательств providения, которым нельзя не воспользоваться... Но будьте уверены, монгольский трон, установленный на финской грязи, свалится не иначе, как в яму, вырытую русскими и польскими руками. Ибо иностранное вмешательство обостряет чувство национальной исключительности... Я был всю жизнь смертельным врагом царизма и останусь им, но я глубоко убежден, что не только Россия, но и весь славянский мир совершит свою революцию собственными силами — „*fará da se*” как говорят итальянцы...” (XXV. 293–294).

³¹ „Полярная звезда”: указ. соч., т. IV. (комментарии). стр. 17. Разделяя это мнение мы прибавили бы выражение: „неотделимо в определенной степени”.

³² Г. В. Плеханов: указ. соч. т. XXIII, стр. 285–286, 315, 321.

³³ „Всякая данная политическая власть вырастает на почве данных классовых отношений, сводящихся, в последнем счете, к отношениям собственности. Природою классовых отношений, существующих в данное время в данной стране, определяется природа существующей в ней политической власти. А природа этой власти, в свою очередь, определяет собою то, что может быть ею сделано по части общественного преобразования. Нельзя было ожидать, что политическая власть, исторически сложившаяся и окрепшая как выразительница интересов дворянского сословия, возьмется за реформы, несогласимые с существующими интересами того же сословия” — говорит в связи с этим Плеханов и, коснувшись „царистских” иллюзий Герцена, справедливо констатирует: „Разочарования пришли очень скоро. Но пока что — и это очень интересный факт! — ошибка Герцена послужила ему на пользу в том смысле, что она расширила круг его влияния”. там-же: стр. 315–316. (курсив наш) Совсем по другому подходит к этому вопросу либерал Ч. Ветринский, автор известной биографии Герцена: „Издание прокламаций в род — „Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше”, с приглашением к русским в случае движения в Польшу не поднимать против поляков оружия, едва ли до русских дошедшая, или речь на митинге 26 февраля 1855 г. в годовщину февральской революции, — все подобные выступления грозили Герцену погружением в ту мнимо-деятельную жизнь эмигрантской революции, над печальными слабостями которой так зло подшучивал он сам ... толчком для новой, на этот раз действительной деятельности, послужила смерть Николая I, 18 февраля 1855 г.” — Чешихин — Ветринский: А. И. Герцен в кн. *Русский библиографический словарь*, Москва, 1916, стр. 118–119; В биографии Герцена тот же автор ошибочно считает Герцена, по сути дела, либералом. Однако, он справедливо отмечает изменение терминологии герценовских статей через некоторое время после смерти Николая I-ого. Ч.-Ветринский: Герцен, Санкт-Петербург, 1908, стр. 328 и далее; Разницу между деятельностью Герцена до и после заключения „Парижского мира” отметил общественный деятель и историк-народник, а впоследствии либерал, В. Богучарский: „Вся разница с Герценом предыдущего времени состояла в том, что прежний социалист-теоретик теперь искал путей стать социалистом практиком”. Автор, впрочем, не делает из этого никаких особых выводов и не подвергает „поворот” в деятельности Герцена соответствующему анализу. — В. Я. Богучарский: А. И. Герцен, Санкт-Петербург, 1912, стр. 141 и далее; марксистский разбор его книги см. Г. В. Плеханов: указ. соч., XXIII, стр. 446–453.

³⁴ Г. В. Плеханов: указ. соч., стр. 315; курсив автора

³⁵ Вопрос этот подробно освещен Б. П. Козьминым в статье: „А. И. Герцен в истории русской общественной мысли”. См.: Б. П. Козьмин: указ. соч., стр. 592–597; „... несмотря на либеральные иллюзии, владевшие им, несмотря на чрезмерные уступки, на которые он шёл, не желая отказаться от надежд на реформаторскую деятельность правительства, он никогда не был либералом” — делает правильные выводы автор там-же: стр. 593 (курсив автора)

³⁶ „Полярная звезда”: указ. соч. т. II. стр. 245–246.

³⁷ См. Б. Егоров: С. Д. Полторацкий — сотрудник „Полярной звезды” А. И. Герцена. — *Русская Литература*. 1963/3, стр. 150; О. В. Орлик: Русские участники и очевидцы французской революции. 1830 г., История СССР, 1965/1, стр. 135–144; О. В. Орлик: Россия и французская революция 1830 года, Москва, 1968, стр. 140–147.

³⁸ Герцен — Лемке: указ. соч. т. VIII. стр. 295.

³⁹ Полярная звезда: указ. соч. т. II. стр.

⁴⁰ Н. П. Огарёв: Избранные социально-политические и философские произведения. Москва, 1962, т. I. стр. 199—200; Данная статья Огарёва отражает в некоторой степени его либеральные иллюзии. О позиции Огарёва, занимаемой им в эти годы см. содержательную работу советского автора: Е. Л. Рудницкая: Огарёв в русском революционном движении, Москва, 1969, стр. 92—108;

⁴¹ Полярная звезда: указ. соч. т. IX. стр. 52.

⁴² Голоса из России: Лондон, 1856, вып. 1. стр. 19.

⁴³ В. Н. Розенталь: Первое открытое выступление либералов в 1855—56 гг. История СССР. 1958, стр. 113—131; Автор статьи считает, что либералы в данный период истории России „... критикуя внешнюю и внутреннюю политику правительства, ... ищут мирного выхода из развивающегося в стране политического кризиса в целях укрепления царской монархии и предупреждения революции”. там-же, стр. 114.

⁴⁴ История замысла этого письма, инициатива которого исходила в первую очередь от Кавелина, изложена в воспоминаниях Чичерина. „... направление Герцена, — вспоминает он — выраженное им в „Полярной звезде” и в разных речах и брошюрах, было до такой степени противно нашим целям и убеждениям, что мы нашли ... нужным послать ему письмо с заявлением несогласия с его взглядами”. Б. Н. Чичерин: Воспоминания. Москва 40-х годов, Москва, 1929, стр. 179.

⁴⁵ Цит. по Герцен — Лемке: указ. соч. т. VIII. стр. 323.

⁴⁶ „... Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отклика, и ваше красное знамя, развевающееся над ораторскою трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение”. там-же, стр. 323; Вполне возможно, что авторы письма в данном случае не только осуждают „радикализм” Герцена, но и намекают на свершившийся факт. В одном из писем к Мишле Герцен описывает события республиканского митинга 27 февраля 1855-ого года, на котором он присутствовал и выступил, о чём вполне могли знать Кавелин и Чичерин, хотя бы из зарубежной прессы. „Митинг носил характер сугубо республиканский — говорится в письме Герцена к Мишле. — Над трибуной развевался красный флаг с начертанными на нём словами „Alliance of the people” и это был единственный флаг (не было даже английского)” (XXV. 242).

⁴⁷ Герцен — Лемке: указ. соч. т. VIII. стр.

⁴⁸ См. следующие места. Полярная звезда: указ. соч. т. I. стр. 42—44.

⁴⁹ Герцен — Лемке: указ. соч. т. VIII. стр. 324, курсив наш.

⁵⁰ там-же, стр. 324.

⁵¹ „Мы готовы столкнуться около всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддержать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов” — отмечают авторы письма. там-же: стр. 323.

⁵² Курсив наш

Не случайно Герцен, критикуя авторов „Письма к издателю” за их тон и некоторые выражения, назвал само письмо „умным и дельным”. (XII. 329). Т.е. письмо это мы можем считать в известной степени не только критическим выступлением, но и быть может основой для дальнейшего сближения.

⁵³ См. „Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену: Женева, 1892, стр. 11.

⁵⁴ См. ЛН, указ. соч., т. 62, стр. 310—311.

⁵⁵ См.: Переписка Т. Н. Грановского. Москва. 1897, стр. 455.

⁵⁶ Герцен — Лемке: указ. соч. т. VIII. стр. 322. Курсив наш.

⁵⁷ Колокол: выпуск первый 1857—1858. Лондон, Москва 1962 (факсимильное издание) т. I. стр. 3.

⁵⁸ Е. Л. Рудницкая справедливо считает это письмо „... манифестом русского либерализма, документом, сформулировавшим то политическое кредо, которое всегда и оставалось его сущностью”. Е. Л. Рудницкая: указ. соч., стр. 94.

- ⁵⁹ См. статью Н. Я. Эйдельмана „Начало издания „Колокола“ и его первые корреспонденты” в сборнике *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* Москва, 1970, стр. 173–196.
- ⁶⁰ Л. Н. указ. соч., т. 62, стр. 336.
- ⁶¹ там же, стр. 385.
- ⁶² См. Б. Г. Кубалов: А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862), Иркутск, 1958, стр. 27–28.
- ⁶³ „... вопросы наши так поставлены, что они могут быть разрешены общими социально-государственными мерами без насильственных потрясений” — подчёркивает в данной статье Герцен. „Не станем спорить о путях, цель у нас одна, ...” — утверждает он ниже (XII. 432, 436).
- ⁶⁴ См. подробнее в работе: З. В. Смирновой: *Социальная философия А. Н. Герцена*, Москва, 1973.
- ⁶⁵ Большие перемены произошли и в *форме* „Полярной звезды”. Если в её первом номере были хорошо разграниченные и имеющие заглавия отделы, то, начиная со второго номера, заглавия исчезают и материал, помещённый в номере, разграничивается лишь римскими цифрами. Меняется одновременно и содержание „Полярной звезды”. В ней с 1857-ого года печатается все больше литературных и исторических трудов (служащих конечно *direct* или *indirect* делу революции) и куда меньше статей чисто теоретического характера. Последнее объясняется в первую очередь и тем, что Герцен и Огарёв, начиная с 1856-ого года придавали весьма большое значение *практическим* действиям в процессе борьбы против крепостничества. Теоретические вопросы „русского” социализма стали отходить на второй план. Издание окончательно превратилось из *журнала* отчасти теоретического профиля (Герцен собирался издавать поначалу 3 номера в год) в *альманах-ежегодник* исторического и литературного характера. „С появлением „Колокола” роль „Полярной звезды” ... постепенно меняется” — замечает Н. Я. Эйдельман: указ. соч., Москва, 1966, стр. 78. т.е. в связи с выходом в свет „Колокола” роль „Полярной звезды” уменьшилась.
- ⁶⁶ „Выпуская вместе с Н. П. Огарёвым „Колокол”, газету „... строго критического характера”, в задачу которой входило освещение актуальных событий только в России и Польше (XXVI. 94), Герцен намеревался сначала извещать своих читателей” ... о вновь выходящих книгах о России, ... и о всех особенно значительных книгах, выходящих в Европе” (XIII. 48). Желая знакомить своих читателей с произведениями прогрессивных мыслителей Запада, Герцен откликался таким образом на их просьбы. Большинство „Западных книг”, о которых шла речь в одноимённой статье Герцена, из-за строгости цензуры в 1856–57 гг. в России, появиться не могло. См. например свидетельство Н. А. Мельгунова: „Его книги (т.е. Мишле) нам известны в России, но говорить об них в журналах едва ли можно”. ЛН: указ. соч. т. 62, стр. 328. Герценовская статья „Западные книги” (помещённая в „Колоколе” от 1-ого декабря 1857 г.), осталась единственной в своём роде. Объяснить этот факт легче всего цитатой из этой-же статьи: „Многие из писавших к нам изъявляли желание, чтоб мы указывали в „Колоколе” на важнейшие литературные произведения на Западе и в особенности на книги о России. С удовольствием исполним мы их желание и именно будем указывать (курсив Герцена — К. М.) на книги — но не больше; разборы их отвлекли бы нас от наших занятий, которые все в России, в русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах”. (Курсив наш — К. М.) (XII. 92).
- ⁶⁷ Из новейшей литературы о Лелевеле см. его польскую биографию: *Bogusław Cygler: Działalność polityczno-społeczna Joachima Lelewela na emigracji w latach 1831–1861*, Gdansk, 1969. (В монографии содержится библиография трудов о Лелевеле).
- ⁶⁸ См. Б. С. Попков: Иоахим Лелевель и русские учёные в сб. *Славянский архив*. Москва, 1963, стр. 215–227.
- ⁶⁹ *Listy emigracyjne Joachima Lelewela*: wydała i wstępem poprzedziła Helena Więckowska, Wrocław—Kraków 1956, т. V. (Dodatek. 1831–1860), стр. 231–232.

- ⁷⁰ *Genowefa Kurpisowa: Aleksander Hercen a emigracja Polska w latach 1847–1870*, Gdansk, 1964.
- ⁷¹ *Bibliográfia utworów Joachima Lelewela*: opracowały Helena Hleb-Koszańska; Maria Kotwiczówna, Wrocław, 1952. стр. 137.
- ⁷² *Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей*: указ. соч., стр. 606–607.
- ⁷³ Там-же, стр. 606–607.
- ⁷⁴ *Bibliográfia utworów Joachima Lelewela*: указ. соч. стр. 93.
- ⁷⁵ *Polska dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela*, Poznan, XX, 1864, стр. 471–474.
- ⁷⁶ См. его записи в дневниках тех лет. (II. 309–310, 314–315, 334, 336); и статью „Москвитянин и вселенная” с ироническими намёками на О. М. Бодянского и М. П. Погодина. (II. 133–140).
- ⁷⁷ *Pulszky Ferencz: Kisebb dolgozatai* (Ференц Пульский: Малые работы), Budapest, 1914, стр. XV–XVI; а также *Concha Győző: Pulszky Ferencz* (Дезе Конча: Ференц Пульский), Budapest, 1910, стр. 47–48.
- ⁷⁸ См. его воспоминания, и по сей день остающиеся важнейшим источником для исследователей данной эпохи. *Pulszky Ferenc: Életem és korom* (Ференц Пульский: Моя жизнь и моя эпоха). Budapest, 1958, т. I–II.
- ⁷⁹ Об активном сотрудничестве Пульского в американской газете „New York Tribune” в 1852–55 гг. см. переписку Маркса и Энгельса этих лет. *К. Маркс и Энгельс*: Сочинения, т. 28, стр. 189–190, 193, 195, 246, 266, 277, 332, 439, 483. Как Маркс, так и Энгельс были о Пульском весьма плохого мнения, в чем, конечно, сказались не только различные идеологические позиции, но и принадлежность к разным полюсам и группировкам „лондонской вольницы”.
- ⁸⁰ См. *Pulszky Ferencz: Kisebb dolgozatai*: указ. соч. стр. 274; *Pulszky Ferenc: Életem és korom*, указ. соч., т. I., стр. 481–482, т. II. стр. 307; Из мемуаров видно, что Пульский был знаком с Герценом уже в 1849-ом году. Об этом свидетельствует и письмо последнего Герверу от 21 апреля 1850 года. (XXIV. 30). Однако, в литературе принято считать, что Герцен познакомился с Пульским лишь в 1852-ом году в Лондоне, см. *Дьёрдь Белия и Клара Г. Гардони*: указ. соч. стр. 420, И. Птушкина: Герцен и Севастьянов, „Прометей”, Москва, 1968, стр. 138; Очевидно это мнение сложилось потому, что Герцен и Пульский до 1852-ого года мало встречались и видимо не переписывались.
- ⁸¹ *Dolmányos István: A dekabrista felkelés magyarországi emlékei*. (Иштван Долманьос: Венгерские отклики на восстание декабристов), Századok, 1955, 3. стр. 447.
- ⁸² Рукописный отдел библиотеки им. Сечени. Quart. Angl. 19. Пульский, будучи приговорён австрийским судом к смертной казни, живя в эмиграции, опасаясь компрометировать своих знакомых из Венгрии, заводил с ними связи поначалу окольными путями. Так, судя по его мемуарам подобно Герцену, он предлагал им писать на адрес книготорговца Н. Трюбнера. (N. Trübner Esq. 60. Paternoster Row. City) указ. соч. т. I., стр. 222.
- ⁸³ Там-же: стр. 131.
- ⁸⁴ См. текст его выступления, посвящённый событиям русско-турецкой войны 1877–78 гг. *Franz v. Pulszky: Die Krise*. Budapest, 1878.
- ⁸⁵ *Belia György – Gardonyi Klára*: указ. соч. стр. 48; имя Диоши, фигурирующее в дневнике Пульского, не известно герценоведам. Поэтому ниже приведём несколько данных из его биографии. *Мартон Диоши* – (Dióssy Márton) (1818–1892), до революции 1848–49 гг. журналист, драматург, в годы революции секретарь Кошута, в 1850-ые годы активно участвует в жизни венгерской и международной эмиграции в Лондоне. Затем приобретает винную лавку. Иногда посылает корреспонденции (с 1860-ого года) в будапештские газеты. В 1854-ом году живет в России (см. об этом *K. M. Kertbeny: Alfabetische Namenliste Ungarischer emigration 1848–186*, Brüssel–Leipzig 1864, стр. 11. Неоднократно встречается с Герценом, о чем свидетельствует эпистолярное наследство последнего. (В академическом издании собрания сочинений А. И. Герцена имя его переведено в неправильной транскрипции Диози).

⁸⁶ „Мы читаем теперь славянофильские журналы, — пишет Герцен зимой 1856-ого года — это дикие звери, незиты православной веры, хуже, чем Александр и его министры”. (XXVI. 34); Следует отметить, что авторы статей, помещённых в русских журналах славянофильского направления — в большинстве случаев панслависты.

Герцен очень резко осудил консервативный, реакционный панславизм русских славянофилов в XI. главе „Былого и дум”, помещённой в первом номере „Полярной звезды”. „Полярная звезда”; указ. соч. т. I. стр. 151 — 154.

Ещё раньше в работе „О развитии революционных идей в России” Герцен говорит о двух течениях в лагере славянофилов: о *подлинных славянофилах*, (которых он впоследствии приглашал сотрудничать в „Полярной звезде”) и об *императорских панславистах*. „Это любители рабства, — характеризует последних Герцен — которые принимают абсолютизм за единственную цивилизованную форму правления, проповедают превосходство донских вин над винами Кот-д’Ор и руссизм западным славянам, переполняя их душу той благородной ненавистью к немцам и мадьярам, которая сослужила хорошую службу Виндашгрецам и Гайнау. Правительство, не признавая их учения официально, оплачивает им путевые издержки и посылает друзьям их чехам и хорватам голштинские кресты св. Анны, уготавливая им те же братские объятия, в каких оно задушило Польшу”. (VII. 239). Курсив Герцена.

Вышеприведенная характеристика Герцена международной деятельности русских панславистов очень интересна, но несколько односторонняя. См. современную марксистскую оценку этого вопроса. *Arató Endre: A magyarországi szlávok és az oroszok kapcsolataihoz a reformkorban* (Эндре Арато: К истории связей славян из Венгрии с русскими в эпоху реформ) в сб. *Tanulmányok a magyar — orosz irodalmi kapcsolatok köréből*, Budapest, 1961, стр. 245 — 295. Нас интересует, конечно, в первую очередь не этот факт, а мнение Герцена о славянофилах и о панславизме в первые годы его лондонской эмиграции. Отмечая положительные стороны деятельности славянофилов, Герцен критиковал их за крайне выраженные формы национализма: „Они проповедовали — отмечает он — презрение к Западу, который один еще мог осветить омут русской жизни; наконец, они превозносили прошлое, а от него, напротив, нужно было избавиться ради будущего, отныне ставшего общим для Востока и Запада”. (XII. 244). Что касается *консервативного панславизма* как такового, то в произведениях Герцена 1852 — 56 гг. нет ни одного *положительного отзыва об этом течении*. Даже в известном письме к Мишле, опубликованном под заглавием „Русский народ и социализм”, в котором он подчёркивает особые пути развития славянских народов, Герцен категорически осуждает сторонников панславизма: „Императорский панславизм, восхваляемый от времени до времени людьми купленными или заблуждающимися... не имеет ничего общего с союзом, основанным на началах свободы”. (XII. 316)

Нас не должно смущать, что в статьях Герцена подчас не так легко различить термины: *панславизм* и *славянофильство*. В большинстве случаев разобраться можно легко, исходя из контекста (XII. 63, 76 и т.д.).

⁸⁷ Можно согласиться с оценкой популярности Пульского в Европе А. Берзевици: „Если у нас (венгров — К. М.) теперь меньше друзей за рубежом, то это в большей степени случилось и потому, что вымирает поколение, судившее о венграх по Кошуту, Пульскому, Ласло Телеки”. См. в сборнике: *Emlékbeszédek a M. tud. Akadémia tagjai felett* (Памятные речи о членах Академии Наук Венгрии) Budapest, 1915, стр. 3.

⁸⁸ „... социализм, который так решительно, так глубоко разделяет Европу на два враждебных лагеря, — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Этот мост, на котором мы можем подать друг другу руку” — утверждал Герцен ещё в 1852-ом году, естественно ошибаясь (XII. 248).

О том, что Герцен намеревался поместить в „Полярной звезде” „Судебные сцены” И. Аксакова, видно из письма Мельгунова. Оно датировано 1856 годом, т.е. до начала сотрудничества Герцена с левыми славянофилами. *Л.Н.*: указ. соч., т. 62, стр. 328.

- ⁸⁹ „Определённая группа славянофилов — Иван Аксаков прежде всего — высказывалась за освобождение крестьян с землею даже громче и решительнее, чем их „антиподы” — западники. Славянофильские проекты освобождения крестьян (Кошелев, Аксаков, Самарин), предложенные в те годы, оставаясь в рамках либерализма, были радикальнее западных проектов...” — замечает Н. Я. Эйдельман в книге „Тайные корреспонденты „Полярной звезды”, диалектически подходя к этому вопросу. См.: указ. соч. стр. 83.
- ⁹⁰ С. А. Никитин: Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах, Москва, 1960, стр. 30—33; Michael Boro-Petrovitch: The Emergence of russian panslavism, 1856—1870, New York, 1956 (по указателю нмён)
- ¹⁵ См. Józsa Antal, указ. соч., стр. 343—376; Kun Miklós, указ. соч., стр. 135—161.
- ²⁶ Л.Н.: Москва, 1956, т. 63, стр. 530. Курсив наш.